

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

*Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.
Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления ЗАПРЕЩЕНО!*

**РОУЗ КЛАРК
ВСЕ, ЧТО Я ХОЧУ НА РОЖДЕСТВО**

Название: Роуз Кларк — Все, что я хочу на рождество, 2019

Автор перевода: Emily

Редактор: Mystery

Оформитель и вычитка: Ксения

Перевод группы: vk.com/mybooksliberty

АННОТАЦИЯ

Прошлая ночь для Анны Гарднер была просто замечательной до тех пор, пока она не поцеловалась с великолепным креативным директором, по совместительству Плейбоем – Хью Манро на рождественской вечеринке. Снова. В прошлом году Хью позволил ей притвориться, что их страстного поцелуя никогда не было, но в этом, он решил заставить Анну признать, что она хочет его так же сильно, как он хочет ее.

Вот только Хью не знает, что вечеринка в офисе - единственная ночь в году, когда его подруга распускает волосы. Что каждый час, проведенный вне офиса, она заботится о своей больной матери. Что болезнь ее матери - болезнь Альцгеймера - является наследственной.

Когда Хью узнает, что она скрывала, ему придется серьезно разобраться в своих чувствах. Это нечестно по отношению к Анне или ее матери, ведь это - отношения не на одну ночь, но такие отношения – это все, что он знает. Сможет ли он доказать себе и Анне, что она - все, чего он хочет на Рождество?

1

Анна больше никогда в жизни не пойдет на офисную рождественскую вечеринку.

Ее голова все еще болела, будто по ней пробежалось стадо слонов, но все же, она заставила себя прийти на работу. Из-за чего ей пришлось ловить на себе взгляды и слушать за спиной заглушенные усмешки коллег, проходя мимо них по дороге в свой кабинет. Благодарная за уединение, она опустила на мягкое кожаное кресло за гладким столом со стеклянной столешницей и проверила часы. Опоздание на полчаса. Полчаса было не так уж и плохо после такой ночи.

Послышался тихий стук, а затем ее помощница проскользнула внутрь, закрыв за собой дверь.

– Кофе, – сказала Дженнифер. Она поставила большой бумажный стаканчик на стол Анны, вместе с блистерной упаковкой таблеток. – И обезболивающие.

Анна подняла голову и поморщилась:

– Неужели это так очевидно?

Дженнифер приподняла бровь:

– Я ходила на второй этаж.

На втором этаже кофемашина варила кофе двойной силы. Обычно Анна придерживалась нормального уровня кофеина, но сегодня она была благодарна Джен за то, что она сходила за ним на второй этаж. Она кивнула в знак благодарности.

Ошибка. Большая ошибка.

Анна закрыла глаза и ждала, пока стук в голове утихнет. В течение нескольких минут, сладкий черный кофе и обезболивающие начали творить свое волшебство. Она оглянулась на свою помощницу, которая все еще терпеливо ждала.

– Сейчас будет плохая новость, не так ли? – спросила Анна.

Джен усмехнулась:

– Ну, это зависит от того, как вы на это смотрите. Я видела мистера Манро, когда была там, наверху.

Анна медленно выдохнула. Хью Манро был сияющей звездой творческого небосвода компании и звездой самых смущающих воспоминаний Анны.

– Он сказал, что берет тебя на обед, – добавила Дженнифер.

В любой другой день, это было бы хорошей новостью. Но не на следующее утро после офисной вечеринки. Анна застонала:

– Пожалуйста, скажи мне, что ты сказала, что у меня встреча.

– Я сказала ему, что твой ежедневник сегодня пустой.

Потрясающе.

– Лучше расскажи мне, что случилось прошлой ночью, – пробормотала Анна. – Помню, было караоке.

– Боюсь, что это так.

– Как сильно я опозорилась?

– Все собрались, – начала Джен с ухмылкой. – Затем все начали петь хором песни: «I Wish It Could Be Christmas Every Day», «Rocking Around the Christmas Tree». Ну, в общем-то классика. А потом ты спела соло.

Анна закрыла свои глаза. Она не могла этого сделать. Только не снова. Пожалуйста, скажите, что она не пела...

– Все что я хочу на Рождество – это ты.

– Что они добавляют в этот пунш?

Дженнифер пожала плечами. Для нее все было очень хорошо, ведь она не выставила себя душой, фальшиво напевая песни перед всем персоналом. И после пения...

– Я поцеловала его, не так ли?

– Я думаю, это он поцеловал тебя, правда. Это было мило.

Мило.

Анна положила голову на стол:

– Я не хочу никого видеть сегодня, Джен. Если кто-то спросит, скажи им, что у меня есть дела, которые нужно успеть сделать до рождественских каникул, и меня нельзя беспокоить.

– Принести тебе еще кофе?

– Да, пожалуйста.

Никакое количество кофеина не сделает этот день лучше. Она слишком много выпила и поцеловала Хью Манро на рождественской вечеринке офиса.

Снова.

В прошлый раз, когда она была настолько унижена, ей удалось избежать его до Нового года. Хью в конце концов выследил ее и пригласил выпить после работы, но когда она отказалась, он не потрудились попробовать снова.

Ублюдок.

Тем не менее, его вежливое безразличие означало, что ей не нужно было придумывать оправданий. Через некоторое время они вернулись к комфортной рутине случайных встреч в лифте, у кофемашины и в итальянском ресторане за углом офиса во время обеда. Что касается Анны, поцелуй был почти забыт, и она была благодарна ему за дружбу.

Но после двух бокалов пунша дружбы было недостаточно.

В следующем году она точно будет пить только яблочный сок. Она отрицательно покачала головой. В следующем году она вообще не собиралась на вечеринку.

Отличный план.

В этом году ей придется снова прятаться. Здесь, в финансовом отделе, не было причин проводить время с креативными директорами рекламного агентства. Во всяком случае, никаких профессиональных причин, и у нее всегда была работа в качестве оправдания, чтобы избежать чего-то еще.

Анна подняла трубку и набрала номер Хью:

– Слушай, насчет обеда ... – начала она.

– И тебе доброе утро, – она услышала улыбку в его голосе.

Ублюдок.

– Я не могу пойти с тобой. Я сегодня очень занята.

– Что будешь делать?

– Ну... – Анна пыталась найти отмазку. – Я должна добить бюджеты на конец года.

– Ты сделала их на прошлой неделе.

Черт.

– Да, но, нужно сделать некоторые, э-э, поправки. Срочно.

Он засмеялся:

– Анна, я приглашаю тебя на обед. Я уже забронировал столик у Джованни.

– О.

– Тирамису за мой счет.

Она никогда не могла устоять перед сливочным тирамису Джованни, и он это знал.

– Хью, я не уверена, что ...

– Я зайду за тобой в двенадцать.

– Но ...

– У меня клиент на другой линии. Увидимся позже, Анна, тогда и поговорим об этом.

2

Без пяти минут двенадцатого Анна взяла сумку, пальто и спряталась в женском туалете.

Три минуты спустя Дженнифер пришла к ней. Усмехнувшись, она сказала:

– Он сказал, что у тебя есть две минуты, а потом он зайдет за тобой.

– Он не сможет!

Дженнифер взглянула на хрупкую двустворчатую дверь:

– Он сможет, ты же знаешь.

– Девяносто секунд! – Довольный голос Хью отозвался эхом, и он не сделал ничего, чтобы скрыть свою решимость.

Анна вытащила расческу и поправила волосы. Ей хотелось быть готовой во все оружия, прежде чем выйти.

– Тридцать секунд!

Она покрасила темно - розовую помаду и ущипнула себя за щеки, чтобы хоть как-то придать им цвет. Но немного налитые кровью глаза уже ничто не могло скрыть. Смирившись, она взяла в руки пальто и сумочку.

– Я вхожу, готова ты или нет, – отрезал Хью, когда она вышла в фойе. – Хорошее решение, – подмигнул он.

Анна посмотрела на него. Как ему удалось так хорошо выглядеть на следующий день после вечеринки?

– Я с тобой не разговариваю.

Он засмеялся:

– Прекрасно. Ты можешь, есть спагетти и потягивать вкусное вино, а я буду говорить.

Она бросила на него темный взгляд и отвернулась:

– Мы не будем говорить о прошлой ночи.

– Нет уж, мы поговорим.

Анна оглянулась, удивленная строгим тоном его голоса. Он сложил руки и сузил глаза.

– Только не снова. На этот раз мы поговорим об этом открыто и честно. Как взрослые, а не подростки.

Ауч. Это было ниже пояса.

– Не могли бы мы просто игнорировать это и двигаться дальше, как взрослые? – пробормотала она.

Хью поднял бровь:

– Нам нужно поторопиться, если не хотим потерять свой столик.

Снаружи тротуар был скользким с заледеневшей слякотью. Тремя днями ранее свежевывавший снег был красивым. А сейчас, из-за того, что он несколько раз таял и замерзал вновь, он выглядел просто, как уродливый серый лед. Анна шла осторожно, стараясь удержать равновесие. Меньше всего ей хотелось поскользнуться и дать Хью повод поймать ее.

Они остановились, ожидая возможности перейти оживленную дорогу, когда рука Анны задела руку Хью.

– Ты замерзла, – сказал он.

– Сейчас зима.

– Тебе нужны перчатки, – заметил он, когда они переходили улицу к ресторану.

– Я теряю их.

– Давай, заходи внутрь, там тепло, – сказал Хью, придерживая для нее дверь.

Джованни поприветствовал ее поцелуем в обе щеки:

– Беллissima, синьорина!

– Здравствуй, Джованни, – Анна невольно улыбнулась. Compliments Джованни были одной из причин, почему она любила приходить сюда.

– Сегодня у меня есть специальное предложение для тебя, – сказал он Хью. – Прекрасный бычий хвост, который готовился со вчерашнего дня, поэтому он будет таять во рту.

Губы Хью дрогнули в улыбке:

– Думаю, я все же посмотрю меню.

Джованни резко вздохнул и покачал головой:

– Нет души. В этом проблема англичан.

– И сердца тоже, – согласилась Анна, бросив острый взгляд в сторону Хью.

– Тогда пойдемте. У меня есть подходящий столик для вас, – Джованни передал им меню. –
Бутылку вина?

– Анна? – просил Хью.

– Я не думаю, что это было бы хорошей идеей.

Он засмеялся. Вот урод.

– Нам просто газированную воду, – сказал Хью, смотря на Анну и понимающе подняв одну бровь. – Все еще не отошла после прошлой ночи, да?

– Я думала, мы забыли о прошлой ночи, – она даже не покраснела. Румянец на ее щеках был совершенно естественный - от холода.

– Нет, – глаза Хью блеснули. – Ты забыла. А я собирался поговорить об этом, как взрослые люди.

Анна спряталась за большим кожаным меню:

– Пенне звучит неплохо. Или, может быть, я попробую курицу с dolcelatte и шпинатом.

– Или, может быть, ты будешь то же самое, что и каждый раз, – Хью вырвал меню у нее из рук.

Анна посмотрела на него:

– Возможно, я решила рискнуть и попробовать что-то новенькое.

Он начал смеяться:

– Рискнуть, как прошлой ночью?

Она вздохнула:

– Прошлая ночь была ошибкой. Прости, конечно, но можем мы просто двигаться дальше?

– Нет, – Хью решительно покачал головой. – Мы не можем.

Джованни вернулся с водой. Хью заказал лазанью для себя и спагетти для Анны, от чего она нахмурилась.

– Извини, ты хотела что-то другое? – Хью поднял бровь.

– Для синьорины это всегда спагетти алла вонголе, – сказал Джованни с веселым кивком. –
Лучшие спагетти в Лондоне, не так ли?

– Да, – призналась она. – И да, я возьму спагетти.

Хью налил им по стакану воды, а затем откинулся на спинку плюшевого красного стула, наблюдая за ней. Анна оглянула ресторан. Глубокие бордовые позолоченные ленты были скручены в классические бантики и элегантные гирлянды. Окна были освещены золотыми свечами, а воздух благоухал свежей зеленью. Это было прекрасно.

А Хью все еще наблюдал за ней.

Одному из них придется нарушить молчание. Она не понимала, почему это должна быть она. Он был тем, кто хотел поговорить. Она переместилась в кресле, затем сделала глоток воды.

Прекрасно. Если он не собирался ничего говорить, он мог слушать ее:

– Смотри...

– Я смотрю.

Его губы подергивались, пока он пытался не засмеяться, но у него это не особо получалось. Она хотела, чтобы он перестал это делать. Из-за этой улыбки у нее всегда возникало желание поцеловать его. Анна крепко сжала стакан с водой, чтобы не наделать глупостей.

– Мне нравится то, что я вижу, – сказал он.

– Я думала, что это должен быть взрослый разговор.

– Прости, мне жаль.

– Как и мне, этого не должно было случиться, это было непрофессионально. В следующем году я просто не приду на корпоратив.

– Это было бы досадно.

Анна пожала плечами:

- Я не знаю, что еще сказать.
- Ты можешь сказать мне, почему.
- Почему что?
- Почему ты не можешь оторвать от меня руки, когда выпьешь слишком много.

Она потянулась за кусочком вкусного хлеба «focaccia» Джованни и начала крошить его на своей тарелке.

- Люди делают странные вещи, когда пьяны.
- Это правда, – его глаза сузились. При свете свеч они выглядели почти золотыми.

Анна наклонила голову:

- Что ж, вот это и случилось.
- Хм.

Официант принес еду. Анна попросила тертый пармезан и свежемолотый черный перец. Если она будет очень медлительна, возможно, Хью позволил бы ей сменить тему.

- Вкусно, – произнесла она, жадно.
- Хорошо. Кстати, ты сегодня завтракала?
- Что?
- Ты что-нибудь ела сегодня утром?
- Я выпила кофе.
- Это все объясняет. Ты всегда ворчишь, когда голодная.
- Я не голодная, – ответила она автоматически.
- Ешь свой завтрак.

Она накрутила спагетти на вилку. Паста согрела ее изнутри, и раздражение начало уходить. Может, Хью имел в виду это.

- Лучше? – его голос был удивительно нежным.
- Да. Мне было это необходимо. Спасибо.
- Не за что. Есть ли причина, по которой ты избегаешь меня?

Он говорил мягко. Слова, которые Анна хотела сказать так и не вышли из ее рта. Она закрыла глаза и вздохнула:

- Я сейчас никуда не убегаю.
- Хью положил руку поверх ее:
- Я рад.

Его рука была теплой и странным образом утешала. Анне потребовалось немало усилий, чтобы убраться.

- Это не очень хорошая идея.
- Почему бы и нет? – улыбнулся он. – Ты мне нравишься, Анна. А я нравлюсь тебе. Почему это плохая идея?

– Я не ищу никаких отношений. Я счастлива просто быть друзьями, – она подняла салфетку с падубом и сложила ее между пальцами.

- Друзья, которые не могут держать свои руки при себе после стакана пунша?

Она пожала плечами, пристально глядя на свою пустую тарелку.

Хью наклонился через стол:

– Я тебе не верю, Анна. Я не верил тебе и в прошлом году, но ты убегала с такой скоростью каждый раз, когда я пытался сказать тебе, что я чувствую. Я сказал себе, что ошибся. Я пытался поверить в то, что это была просто пьяная ошибка, которую ты не хотела повторять.

Его голос понизился и Анна инстинктивно приблизилась.

– Но потом ты сделала это снова, – пробормотал он, и она вздрогнула, будто он коснулся ее. – В первый раз, возможно, это действительно было ошибкой, но не во второй. Я знаю, что слышал в твоём голосе, когда ты пела для меня прошлой ночью. Я знаю, что видел в твоих красивых карих глазах, когда ты шла ко мне, ни разу не оторвав от меня взгляда. Я знаю, чье имя ты прошептала, когда обнимала меня за шею. Мое имя, Анна, – сказал он свирепо. – И потом я поцеловал тебя. Потому что ты этого хотела, так же, как и я, – он откинулся на спинку стула, оставив ее пристально

глядеть на него, с диким пульсирующим желанием внутри. – Так что не говори мне, что ты счастлива, быть просто друзьями.

Анна резко откинулась на спинку стула. Она не была счастлива, но не могла сказать ему почему. Она не была готова к этому, не могла вынести неизбежной жалости. И не хотела слышать его оправданий. Никто из них не нуждался в таком позоре. Гораздо лучше отшить его мягко.

– Прекрасно, – сказала она бодрым голосом, который звучал фальшиво даже для ее ушей. – Я не буду тебе этого говорить. Но мы не можем быть чем-то большим. Извини.

– Извини, – повторил он медленно. – За что именно? За то, что поцеловала меня, как будто я был единственным мужчиной в мире? За то, что сбежала от меня? Или за то, что опять врешь?

– Прости, что заставила тебя думать, что у нас был шанс.

Хью долго и размеренно смотрел на нее, а затем потребовал счет. Она достала кошелек, но он нетерпеливо отверг ее и протянул Джованни свою кредитную карту.

– А как же тирамису для синьорины? – спросил Джованни, когда проводил платежку Хью.

Анна улыбнулась:

– Не сегодня.

Он посмотрел на нее понимающим взглядом:

– Тирамису полезно для сердца

– С моим сердцем все в порядке, – резко сказала она и покачала головой. – Извини. Я сегодня немного на взводе.

Хью ввел свой Pin- код и вернул терминал обратно.

– Ей нужен десерт, – кивнув в сторону Анны, сказал Джованни.

Хью холодно посмотрел на нее сверху вниз:

– Так и есть.

Анна стиснула зубы:

– На самом деле, мне нужно вернуться в офис. Может быть, в следующий раз, – вежливо добавила она, обращаясь к Джованни.

Хью просто помог ей надеть пальто и кивнул на прощание ресторатору.

Они направились обратно в офис, Анна шла позади Хью. На углу он повернул налево, а не направо, и Анна, сосредоточенная на коварном тротуаре, уперлась прямо в него. Хью схватил ее за руку, прежде чем она ударилась о землю. Он вернул ее в вертикальное положение и схватил за плечи.

Когда они оба твердо встали на ноги, она сказала:

– Офис в другой стороне.

– Дженнифер сказала, что у тебя сегодня свободный день. Я подумал, мы могли бы прогуляться.

– Потому что сегодня такой хороший день? – сказала она сухо. – И мы так наслаждаемся обществом друг друга?

Он отпустил ее и продолжил идти.

– В следующий раз попробуй спросить меня, – крикнула она ему вслед.

Анна остановилась на углу улицы, ей не очень хотелось возвращаться в офис. Она бы не сделала там ничего полезного.

– Так ты идешь? – хмыкнул Хью через плечо.

Она подавила смехок, вызванный его поведением:

– Хорошо. Подожди, пока я тебя догоню.

Через несколько минут они находились на небольшой площади с множеством ярко освещенных магазинов и открытых рыночных киосков, все украшенные рождественскими огнями.

– Нам нужно купить тебе перчатки. Сюда, – Хью подошел к ближайшей стойке. Узорные шарфы в ярких драгоценных тонах развевались, как баннеры на холодном ветру. На столе были сложены шапки и перчатки ручной вязки: ярко-красные и зеленые в рождественских узорах для детей с одной стороны и разных оттенков для взрослых с другой. Хью поднял пару толстых перчаток и потянулся к руке Анны, чтобы проверить размер.

– Зеленые или синие? – мягкие кашемировые перчатки согревали теплом ее кожу, но именно прикосновение Хью посылало волны по ее телу.

– Синие. Я имею в виду, ты не должен покупать мне перчатки. Я их все равно потеряю.

– Привяжешь их к веревочке.

Она посмотрела в его смеющиеся глаза, и ее сердце екнуло. Она хотела сказать ему "да". На все, что бы он ни сказал. Анна медленно кивнула:

– Возможно, так и сделаю.

– Вот, примерь эти, – Хью протянул ей шерстяную шапку. – Это должно согреть тебя.

Анна попыталась натянуть ее, но она не надевалось из-за ее аккуратно сделанного пучка. Хью поднял бровь, и она, пожав плечами, достала шпильки, позволив волосам упасть на ее плечи.

Он улыбнулся:

– Красивая.

– Шапка?

– Ты.

У нее перехватило дыхание:

– Хью, – предупредила она.

– Это мое новогоднее решение.

– Что за решение?

– Решение быть полностью честным.

– Но сейчас не Новый год.

– Нет, но мне нужно начать практиковаться сейчас.

– Идиот, – мягко сказала она. Она не могла сердиться на него за такой комплимент.

На него вообще было трудно злиться. Вот если бы только все было по-другому. Анна не могла припомнить лучшего человека, чем Хью. Он был добрым, задумчивым, и он знал, как заставить ее смеяться даже в худшие дни.

Когда он поцеловал ее, это заставило ее почувствовать себя самой драгоценной, самой дорогой женщиной в мире. А когда улыбнулся ей, как сейчас, ощущалось так, будто он осветил мир только для нее.

– Надень перчатки, – сказал он.

Она сделала, что он просил, и подняла руки, чтобы показать ему.

Хью ухмыльнулся и схватил их:

– Теперь теплее?

– Да, спасибо.

– Хорошо. Давай немного прогуляемся вдоль реки.

Тонкий туман рассеял дневной свет, придавая городу мягкое свечение. Бродя по набережной, Анна и Хью проходили мимо уличных торговцев жареными каштанами и сладко пахнущими соснами. Хор детей пел колядки за пределами национального театра, их чистые, ясные голоса, полные невинного удивления кружили в воздухе. Анна перестала слушать, пойманная собственными детскими воспоминаниями. Благоговение, которое она испытывала перед миром, преображенным мишурой и сверкающими огнями. Надежда, что все возможно в мире, где олени тащат сани с подарками по небу.

Хью привел ее к ближайшей скамейке, куда они сели и слушали вместе в течение длительного времени. Анна смотрела, как река дремлет и все огни отражаются в ее темной воде, словно ожившая импрессионистская картина.

Она вздохнула.

– Ты в порядке? – спросил Хью.

– Да, – она наклонилась вперед, глядя в темную воду Темзы. – Я просто хочу, чтобы каждый день был таким.

– Холодным и сырым?

Она ударила его локтем.

– Разве недостаточно просто наслаждаться моментом? – спросил Хью.

Она твердо покачала головой:

– Нет. Это прекрасно всего лишь некоторое время, пока момент длится. Но он не преображает все остальное.

– Все остальное?

Анна прикусила губу:

– Работу.

– Но тебе нравится работать.

– Иногда.

– Что еще?

– Караоке? – предложила она.

– Твое караоке превосходно, – торжественно ответил Хью. – Особенно последняя песня.

– Все, что я хочу на Рождество – это ты?

– Именно, – он взял ее руку в свою и наклонился. – Анна? – пробормотал он.

От него так хорошо пахло, и он был таким теплым. Она хотела поцеловать его, хотела знать, каково это, когда она не пьяна. Остановится ли от этого ее сердца, как раньше?

Может ли она просто наслаждаться этим моментом?

Она подалась вперед, пока его губы не коснулись его:

– Хью.

Он не спрашивал разрешения, в этом не было необходимости. Она приоткрыла губы, и он принял предложение. Его губы были нежными и мягкими. Она этого не помнила, но ей нравилось, как медленно он отдавался этому моменту. Он не торопился, позволяя своим губам задержаться на ее. Нетерпеливая, она надавила на него, подталкивая, обхватила руками за шею и притянула ближе.

Его руки скользнули под пальто, холод от них ощущался даже сквозь блузку с пиджаком, но все еще посылал импульсы сквозь каждый нерв:

– Анна, – прошептал он. – Моя прекрасная Анна.

Она отпрянула:

– Нет, – она отрицательно покачала головой. – Нет, Хью, только не твоя.

Он взял ее за руки и угрюмо посмотрел на нее:

– Как долго ты собираешься притворяться?

Она избегала его взгляда:

– Я не притворяюсь.

– Ты хочешь меня.

– Я хотела насладиться моментом. Я думала, этого будет достаточно.

– Так ли это? – его голос был жестоким от боли.

Взгляд Анны затуманился. В отчаянии она моргнула от слез:

– Так должно быть.

Хью взял ее за подбородок и приподнял лицо, пока не встретился с ее взглядом:

– Никогда не думал, что ты такая трусиха.

Боль от его слов чувствовалась, как от удара в живот. Она дернулась и обхватила себя руками.

– Увидимся в офисе, – коротко сказал он. – Оставь себе шапку и перчатки. Считай, что это ранний рождественский подарок.

Она не поднимала глаз до тех пор, пока он не ушел. Солнце уже висело низко в небе, и река отражала ее глубокий, огненно-красный свет. Хор ушел, оставив только память о своих радостных колядках.

Она проверила время. Сегодня она не могла прийти домой поздно. Сиделка ухаживающая за матерью была счастлива остаться на ночь, с двойной оплатой, в то время как Анна была на рождественской вечеринке. Это была единственная ночь в году, когда она могла распустить волосы и притвориться нормальной, незамужней тридцатилетней женщиной без каких-либо обязанностей. Но сегодня вернулась реальность – мать с ранней болезнью Альцгеймера, которую нельзя было оставить дома одну.

3

Трижды.

Хью шел обратно в офис, и каждый его шаг бил его по раненой гордости.

Трижды они целовались, и трижды Анна отвергала его. Конечно, этого было бы более чем достаточно для любого человека, чтобы понять намек.

Он никогда не тратил время на преследование незаинтересованной женщины. Какой в этом был смысл? Он шел дальше и находил кого-то другого. Он не привязывался к женщинам, ведь после этого все становится трудно. И такая точка зрения сводит его мать с ума, но для Хью она имеет смысл. Зачем держаться за отношения, когда перестает быть весело? Жизнь слишком коротка.

Итак, на этом все закончилось. Больше года Анна Гарднер была зудом, который ему нужно было почесать. Другие женщины, с которыми он встречался, не смогли выбить Анну из его мыслей. Сегодня она сделала это сама. Она ясно дала понять, что ей это не интересно, так что Хью решил двигаться дальше.

Вот только Анне было интересно. Она наслаждалась их поцелуями так же сильно, как и он. Он знал, что ей нравится его компания. Но более того, когда она смотрела ему в глаза и наклонилась, чтобы прошептать ему на ухо, он знал, что хочет большего. Она хотела его. Так почему же она продолжала отталкивать его? И почему он продолжал возвращаться к большему?

Он все еще думал о ней, к тому моменту, как добрался до своего офиса на втором этаже. Проклятье. Хью захлопнул за собой дверь. Он больше не вернется к ней. Три раза было достаточно, более, чем достаточно. Он посмотрел на свой компьютер и быстро написал короткий ответ на особенно бессмысленный запрос клиента.

Если бы только она не поцеловала его так нежно и не посмотрела на него, как будто он чертов герой. Если бы только он не чувствовал необходимость обнять ее и сказать ей, что он сделает все правильно ради нее. Если бы он мог выкинуть эту женщину из головы на полсекунды, чтобы сделать свою работу.

Он тяжело вздохнул. Это было плохо. Он все еще хотел ее. И дал бы ей еще один шанс, но ему нужна была новая стратегия.

Хью поднял трубку телефона.

4

Хью снова проверил адрес и позвонил в дверь. Он отошел назад, чтобы осмотреть дом. Это и есть место, где живет Анна? Небольшой домик с террасой, на которой стоят герани в горшках и кружевные шторы на окнах? Он больше похож на дом пожилого человека, а не умной, профессиональной молодой женщины, которую он знал.

Но это определенно было тот адрес. Хью пришлось сделать пару одолжений, чтобы узнать адрес Анны. Он подумывал позвонить ей, но не хотел давать ей возможность отвлечь его.

Она долго не открывала дверь. Может, она не дома, и он зря потратил время. Хью уже собирался позвонить во второй раз, когда дверь приоткрылась.

– Привет, – сказал Хью с уверенной улыбкой, которую не чувствовал. – Я принес китайскую кухню.

Анна нахмурилась:

– Что ты здесь делаешь?

– Пришел повидаться с тобой. Я принес еду на вынос, – он поднял вверх пакет.

– Ты не можешь. Я не ... – паника мелькнула в ее глазах. С чего бы ей нервничать из-за хрустящей утки и королевских креветок?

– Ты уже поела? – он думал, что придет достаточно рано, чтобы избежать такой ситуации. Она была одета не так, чтобы выглядело, что собирается куда-то выйти. А стояла в простом режегато-красном повседневном шерстяном джемпере и выцветших джинсах. Ее волосы были собраны сзади в свободный хвост, обрамляя ее красивое лицо. Без макияжа, она выглядела моложе. Более уязвимой.

Анна снова заглянула в дом.

– Нет, я ничего не ела. Но тебе нужно убраться отсюда.

Где-то в доме послышался звук захлопывающейся двери. Глаза Анны блеснули.

Хью выругался себе под нос. Там был кто-то другой. Вот почему она сопротивлялась ему. У нее был другой парень. Почему она просто не сказала ему? Он бы сразу же отступил.

– Прости, – он замолчал. – Я ничего не знал. Ты должна была сказать мне. Я пойду.

Анна кивнула, и Хью повернулся, чтобы уйти, когда отчаянным голосом прозвучал ее ответ «прости».

Он не оглянулся назад.

– Анна? Анна, ты здесь, дорогая?

Хью замер.

Голос не мужской, а пожилой женщины.

Он обернулся. Анна не закрыла дверь, и он увидел, силуэт женщины.

– Я только что пришла, мама, – он никогда не слышал в голосе Анны такой нежности и терпеливости.

– Кто это был у двери, дорогая?

– Никто, мам.

– Анна, – Хью не знал, что еще сказать.

Она оглянулась назад и безмолвно покачала головой.

– Он выглядит хорошим молодым человеком, дорогая. Почему бы тебе не пригласить его?

– Он уже уходит, мама, – глаза Анны встретились с его.

Хью ярко улыбнулся матери Анны:

– Я хотел бы присоединиться.

– Мы будем рады, дорогой.

Анна беспомощно пожала плечами:

– Тебе лучше зайти внутрь. Но не расстраивай ее, – пробормотала она.

Хью кивнул:

– Не беспокойся. Все будет хорошо, – он повернулся к матери Анны. – Я Хью. Приятно с вами познакомиться.

– Здравствуй, дорогой. Я Ирэн, – она протянула руку, и Хью пожал ее. – Всегда приятно встретить такого хорошего молодого человека, как ты. Разве это не так, милая?

– Да, мам. Может, проведем Хью в гостиную?

Ирэн суежилась над ним, усаживая в удобное кресло, а сама заняла один конец темно-синего дивана. Она почти сразу же встала, чтобы проверить радиатор.

– Хотите газету? – предложила Ирэн. – Мой отец всегда любил читать газету перед обедом.

Хью кивнул:

– Я тоже часто так делаю, но, спасибо, не этим вечером. Почему бы вам не присесть, Ирэн?

– Где мне сесть? – она растерянно огляделась.

– Вот здесь, на диване, – указал Хью. – И вы сможете рассказать мне о своей дочери.

Лицо Ирэн загорелось:

– Ты знаешь мою Анну?

– Да, знаю. Мы работаем в одном офисе.

– Вы тоже бухгалтер?

– Нет, – он рассмеялся. – Я с трудом могу сложить, не сделав ошибку.

Анна отнесла пакет с китайской едой на кухню и вернулась с бутылкой «Sherry» и тремя стаканами.

– Мам? Хью?

Ирэн взяла маленький бокал.

Хью с надеждой поднял бровь, но Анна покачала головой. «Sherry» или ничего.

– Тогда мне тоже немного.

Анна протянула ему стакан и налила себе.

– Ваше здоровье, – сказал Хью и поднял бокал за остальных.

Ирэн улыбнулась:

– Здоровья тебе.

Анна просто подняла бокал:

– Я поставила еду в духовку, – сказала она. – Принесу, когда она подогреется.

Пока Ирэн продолжала болтать с Хью, Анна накрыла маленький обеденный стол. Когда еда приготовилась, она поставила ее на стол. Ирэн настояла, чтобы Хью сел в конце стола и наложил себе первым. Анна наложила матери жареный рис с яйцом и курицу с лимоном и протянула ей тарелку, прежде чем наложить себе. Ирэн посмотрела на еду с отчаянием.

– Все в порядке, мам, – успокоила Анна. – Вот твоя вилка, смотри, – она показала ей, как взять еду и поднести ее ко рту. – Вот, видишь.

– Видишь ли, я забыла, – сказала Ирэн Хью. – Глупо, не правда ли?

Хью взглянул на Анну. Она яростно смотрела на него в ответ, практически подначивая сказать что-то неправильное. Он прочистил горло:

– Мы все иногда что-то забываем.

– Анна никогда не забывает, – гордо сказала Ирэн.

– Анна замечательный человек.

Ирэн улыбнулась:

– Я знаю.

– Анна вообще-то здесь, – сказала девушка сквозь стиснутые зубы.

– Ну, конечно, дорогая. Ешь свой ужин и поговори с милым молодым человеком.

– Хью, – напомнила ей Анна.

– Хью, – повторила Ирэн. – Я его знаю?

Анна покачала головой:

– Он работает в моем офисе.

Глаза Ирэн были такими же темно-кариыми, как у ее дочери, а ее прекрасные волосы когда-то были такими же каштановыми. Она улыбнулась Анне в ответ, а потом повернулась к Хью и спросила:

– Ты тоже бухгалтер?

Она ничего не помнила. Десять минут назад у них был точно такой же разговор, и Ирэн этого не помнила.

Хью заставил себя улыбнуться:

– Нет. Я оставляю всю тяжелую работу Анне.

Анна, которая не сказала ему, что живет с матерью. Мать с деменцией, которая явно нуждалась в постоянном наблюдении. Почему Анна не сказала ему? Почему она не доверяла ему?

– Он креативный дизайнер, мам. Он придумывает все идеи, – Анна едва притронулась к еде. А, когда она взяла стакан, было заметно, как дрожала ее рука.

– Знаете, моя Анна-бухгалтер.

Хью кивнул:

– Я знаю. Она очень хороший бухгалтер.

– Да, – согласилась Ирэн.

Когда они закончили есть, Анна сложила пустые тарелки, и Хью помог ей отнести посуду на кухню.

– Я помою посуду, – предложил он.

– Нет, не беспокойся. Я разберусь с этим позже.

– Анна, – он положил руку ей на талию. – Я хочу тебе помочь, – и ему нужно было побыть одному.

Она пожала плечами:

– В таком случае, вперед. Мы с мамой будем смотреть телевизор.

Оставшись один, Хью прислонился к стойке и глубоко вздохнул. Какого черта он здесь делает?

Он принялся за уборку, но, ополаскивая тарелки и соскребая остатки еды в мусорное ведро, его разум не прекращал работать. Почему Анна никогда ничего не говорила о своей матери? Неужели она думала, что он не поймет? Что ему было бы не все равно? Неужели он так мало для нее значил?

Она также отталкивала других людей? Возможно, она не понимала, что ей нужны друзья, чтобы поддержать ее. Существует смелая независимость, и безрассудное упрямство.

И, похоже, Хью должен был показать ей разницу.

Он взял поднос с кофе в гостиную.

– Маме нельзя, – сказала Анна себе под нос. – Это не даст ей уснуть всю ночь.

Хью притворился, что смотрит телевизор, пока пил кофе. Допив его, он встал:

– Мне пора идти.

Анна бросила на него благодарный взгляд. Ирэн была сбита с толку, когда спросила:

– Куда вы идете?

– Я возвращаюсь домой, Ирэн. Было приятно познакомиться.

Анна проводила Хью до двери и протянула ему пальто.

Он пожал плечами, затем подошел ближе:

– Я думал, мы друзья. Почему ты мне не рассказывала?

Она вышла с ним наружу, закрыв за собой дверь:

– Я никому с работы не говорила. Мне не нужна их жалость.

– Ты думала, я бы начал тебя жалеть?

– А что, нет?

– Я не знаю. Ты никогда не давала мне шанса узнать.

– Анна! – крикнула Ирэн из гостиной.

Она открыла дверь и ответила:

– Иду, мама, – посмотрев суровым взглядом на Хью, она добавила. – Мне нужно идти, а ты должен уходить.

Он сделал глубокий вдох. Он не собирался выходить из себя.

– Я позвоню тебе позже, – пообещал он. – Нам нужно кое-что обсудить.

– Тебе не нужно этого делать.

Он нежно обхватил ее лицо ладонями и посмотрел на нее. Такая красивая. Он думал об этом раньше, но никогда не видел этого так, как сейчас. Такая храбрая. Как он мог назвать ее трусихой? Ей нужен был кто-то, кто был бы на ее стороне, даже если она еще не поняла этого. Он покажет ей, что она может доверять ему.

Хью коснулся губами ее в обещании:
– Я хочу.

5

Анна свернулась калачиком в кровати, глядя на телефон, лежащий на прикроватной тумбочке.

Было уже больше одиннадцати. Он действительно позвонит?

Она не стала бы его винить, если бы он передумал. Зачем кому-то связываться с ней? Хью был из тех, кто легко мог найти себе другую девушку. Женщину, которая могла свободно проводить с ним время. Ту, кто смог бы поставить на первое место его, вместо матери.

Она просто скажет ему, чтобы он не беспокоился. Даст ему легкий выход. Это было лучшее, что она могла сделать.

Когда телефон зазвонил, Анна сразу же взяла трубку, чтобы не разбудить маму.

– Сейчас подходящее время? – спросил Хью. – Ты можешь говорить?

– Мама в постели, если ты это имеешь в виду, – Анна услышала горечь в собственном голосе.

– Анна, мне очень жаль.

Он позвонил ей, чтобы извиниться? Она досчитала до десяти и глубоко вздохнула:

– Я же сказала, мне не нужна твоя жалость.

Он проглотил проклятие:

– Я хотел сказать, прости, что обвинил тебя в трусости.

– О... – на ее лице появилась улыбка, напряжение в ее плечах ослабло.

– Я просто хочу, чтобы ты чувствовала, что можешь рассказать мне все.

– Разговоры об этом ничего не меняют.

– Это изменило отношения между нами. Разве не так?

Она вздохнула:

– Да, именно поэтому. Мама не в безопасности одна. Я плачу за сделку в течение дня, поэтому могу ходить на работу, но в противном случае я должна буду сидеть дома с ней. Вечерами, в выходные, в праздники, – она была настолько прямолинейна, насколько это возможно. Ей нужно было переубедить его. – Так что нет никакого смысла. Мы не можем позволить себе большее, чем обед у Джованни и быстрый поцелуй на обратном пути в офис.

– Анна... – через мгновение продолжил он. – Как долго она в таком состоянии?

– Около восемнадцати месяцев. Ей всего шестьдесят, – Анна сглотнула. Она ненавидела говорить об этом. – Она даже не подозревала, когда ее память начала уходить. Она еще молода.

– Слишком молода.

– Они называли это ранним началом. Очевидно, некоторые люди болеют болезнью Альцгеймера с тридцати или сорока. Маме повезло.

– Не думаю, что очень.

– Нет. Нет, не очень повезло. Хью, есть еще кое-что.

Через мгновение, он мягко спросил:

– Что?

Она глубоко вздохнула:

– Это наследственное заболевание. Возможно. Наверное.

– Анна? – прозвучал его грубый голос.

– Ммм? – Она не хотела этого слышать и приготовилась к отказу.

– Жаль, что я сейчас не сижу рядом с тобой.

– Хью...

– Я думаю, тебе нужен кто-то, кто обнял бы сейчас тебя.

Она замолчала, пытаясь сморгнуть слезы, которые грозили выплеснуться:

– Я не получаю много объятий, – поцелуи и нежные знаки внимания от матери, да. Но не сокрушительно комфортные объятия высоких мужчин с широкой грудью и сильными плечами.

– Я могу приехать, – предложил он.

Ей очень хотелось сказать "да". Ей хотелось броситься в его объятия, расплакаться у него на плече и утешиться его теплом и силой.

– Нет, – сказала она, задыхаясь. – Нет, уже поздно, мама будет волноваться.

– Хорошо. Но предложение остается в силе. В любое время, когда понадобится.

После того, как они закончили разговор, она положила телефон на прикроватный столик. В доме было тихо, и огромная волна одиночества захлестнула ее.

Восемнадцать месяцев ее жизнь была посвящена заботе о матери. Поначалу ее друзья хорошо поддерживали связь. Но когда прошли месяцы, а Анна не присоединилась к ним в пабе или не принимала приглашения на ужин, сообщения иссякли, а телефонных звонков становилось все меньше и меньше.

На работе у нее был один выход. По восемь часов в день, она жила как обычный человек. Она была хороша в своей работе, она наслаждалась ответственностью, и у нее были отличные коллеги. Она никому не говорила на работе о своей матери. Не хотела их жалости и не хотела, чтобы они относились к ней по-другому.

Но теперь Хью знает.

Он был добр к ней. Добр к матери за обедом, и добр, когда позвонил. Он не отступал и не пытался все исправить, в отличие от всех остальных, кто предлагал помощь, Хью инстинктивно знал, чего Анна жаждала больше всего.

Большого.

Это все, что ей было нужно. Кто-то, кто обнимет ее и прижмет к себе. Кто-то, кто даст ей понять, что она не одна, что у нее есть поддержка, когда она будет в ней нуждаться.

Ее рука потянулась к телефону. Она может позвонить ему и он придет.

И она будет выглядеть жалкой. Взрослая женщина, не в состоянии заснуть без мужчины, который бы обнимал ее.

Анна убрала телефон подальше, поправила подушки и выключила свет у кровати. Она была в порядке живя сама по себе.

Она должна была быть в порядке.

6

Как только Хью встретил Ирэн, он начал искать решения, придумывая творческие идеи, чтобы облегчить Анне жизнь. Творческое мышление было сильной стороной Хью. Вот почему клиенты выстраивались в очередь, чтобы попасть в его агентство. Решение проблем для Ирэн было намного комфортнее, чем разбираться в собственной реакции на болезнь Ирэн и жизнь Анны.

После того, как Анна повесила трубку, Хью не спал несколько часов, думая. Думая о ней. Как молодо и красиво она выглядела: босая в мешковатом свитере и джинсах. Как отчаянно она пыталась не дать ему узнать о своей матери. Такая храбрая. Такая независимая. Было легко понять, почему она не хочет жалости.

Примет ли она помощь?

Он видел, как сильно женщины любят друг друга. Он видел это в ответах Анны и гордых взглядах Ирэн. Он видел глубокую потребность Анны заботиться о матери так долго, как только она сможет. Дом престарелых будет последним выходом для обеих.

Но Анне нужна была помощь. Она не могла продолжать жизнь, которая никогда не позволит ей выйти из дома. У нее не было времени ни для хобби, ни для веселья. Нет времени быть просто Анной.

Ирэн была еще молода. Анна будет заботиться о ней годами. Годы, которые она должна проводить, влюбляясь, создавая семью, проживая приключения. Годы, которые она могла бы прожить, влюбляясь в Хью, создавая с ним семью, проживая вдвоем приключения.

Годы, когда он мог все сильнее и сильнее влюбляться в нее.

Он поморщился. Жалеть себя было бесполезно для Анны. Последнее, что ей было нужно, это бремя эмоциональной вины, возложенное на нее эгоистичным поклонником. Ей нужен был кто-то, кто поддержит ее.

Если он собирался помочь, ему нужно было знать некоторые факты. Он встал с кровати, включил ноутбук и напечатал "ранняя болезнь Альцгеймера" в строке поиска. Он узнал симптомы Ирэн на первом сайте, который открыл. Провалы в памяти будут только хуже. Наступит момент, когда о ней не смогут позаботиться дома. У нее, вероятно, уже развились тревожные перепады настроения.

Следующие десять лет будут невыносимо тяжелыми для Анны. Она была права, у нее не будет времени на нормальные отношения. Она не могла ни обедать, ни проводить выходные за городом. И альтернатива, которую она дала - обеды у Джованни и быстрые поцелуи на обратном пути в офис - была столь же непривлекательной, как она и предполагала.

Он продолжал читать, вынужденный выяснить, что может случиться с Ирэн.

И с Анной.

Наследственная болезнь Альцгеймера. Он пытался не обращать внимания на эти слова, но они упоминались на каждом сайте, и в конце концов Хью заставил себя прочитать. Генетическая предрасположенность. Если у Ирэн был ген, то, скорее всего, и у Анны тоже. Существует тест, который точно скажет о его наличии или отсутствии.

Хью мрачно уставился на компьютер, как будто он каким-то образом ответственен за разрушительные факты, которые он представлял. Его кулак сжался, готовый ударить по экрану.

Он мог выбросить бессердечное устройство из окна. Мог бушевать против мира, который разрушал жизнь его Анны, и он ничего не мог сделать, чтобы спасти ее.

Все, что он может, это быть рядом с ней. Обнимать ее, когда она будет нуждаться в этом. Поддерживать в трудные времена.

Это будет непросто. Разница составляла миллион миль от тех отношений, на которые надеялся Хью. Это пугало его. Как он справится, если Анна начнет терять память? Его сердце остановится, если она посмотрит на него и не вспомнит имени.

Он мог бы предложить ей пройти тест. Узнать, каковы были ее шансы.

И что потом? Он может просто уйти? Сказать ей, что это очень сложно для него?

Хью поджал губы. Как он посмел назвать Анну трусихой? Она была самой храброй из всех людей, что он знал. Она никуда не уходила. Можно поспорить, что это даже не приходило ей в голову. Она любила свою мать, и вот что значит любовь. Это означало оставаться с ней, когда было тяжело.

Анне не нужно было проходить никаких тестов. Единственным испытанием было, достаточно ли он ее любит. Не может быть, чтобы эти чувства были лишь легким увлечением, к которым он привык. Это было бы несправедливо по отношению к Анне и Ирэн. Ей нужен был кто-то, кто был бы готов поддержать ее, независимо от того, что будет в будущем.

Хью выключил свой ноутбук. Интернет не мог сказать ему, любит он Анну или нет. Никакие поиски не помогут ему решить, может ли он быть тем, кто ей нужен. Он должен был сам найти ответы на эти вопросы ... каким-нибудь образом.

7

В понедельник утром на столе Анны стояла чашка кофе и бумажный пакет с запиской: *на случай, если у тебя не будет времени позавтракать*. Она улыбнулась и заглянула в пакет: теплый миндальный круассан.

Анна откинулась на спинку стула. Он принес ей настоящий эспрессо, не из автомата, и она наслаждалась каждым глотком.

Как по команде, ее телефон зазвонил, когда она сунула в рот последний кусочек круассана. Она улыбнулась и ответила.

– Привет.

– Доброе утро, – сказал Хью.

– Доброе утро. Спасибо за завтрак, – она скомкала пакет из-под круассана и выбросила его в мусорное ведро.

– Не за что.

– Итак, я думаю, что должна тебе обед.

– Я согласен. Обед у Джованни и быстрый поцелуй на обратном пути в офис?

– Хью.

– Прости. Я не хотел показаться вульгарным.

– Ты знаешь, как обстоят дела. Я не могу предложить тебе большего, чем дружба.

– Посмотрим.

Он повесил трубку прежде, чем она продолжила отстаивать свое, и, честно говоря, Анна не была уверена, что все еще против.

На следующий день она нашла на столе зеленый конверт, в котором лежала открытка с обожанием глядящий на нее олененком Рудольфом. Когда она открыла ее, зазвучала знакомая мелодия: «Все, что я хочу на Рождество, это ты»

Увидев это я сразу подумал о тебе, написал Хью.

Анна положила открытку в верхний ящик стола и, все еще улыбаясь, открыла ноутбук.

В среду, была статуэтка снежного шара с фигуркой лондонских небоскребов внутри. Она держала его на столе. Каждый раз, когда она трясла его, блестящие снежинки падали вокруг знакомых фигурок, вызывая улыбку. После этого Анна стала ожидать маленьких подарков и сюрпризов каждый день. Хью даже не пытался пригласить ее на свидание. Даже когда они вместе обедали, он не пытался держать ее за руку или снова целовать. Возможно, это был его способ принять ее дружбу, не настаивая на большем, чем она могла дать.

Этого достаточно, сказала себе Анна. Этого должно быть достаточно.

В канун Рождества, в полдень, Анна договорилась, чтобы работник Ирэн остался на день, чтобы она могла сделать покупки в последнюю минуту. Хью подошел к ее столу в двенадцать.

– У тебя есть время пообедать?

Анна посмотрела на часы:

– Если только быстро. У меня еще длинный список дел, и я должна вернуться домой к маме.

– Конечно. У меня тоже мало времени.

Был сырой, холодный день, и они поспешили в ресторан. Она была благодарна за его гостеприимное тепло. Джованни поцеловал Анну и попытался соблазнить Хью особым блюдом пасты с утиной печенью. Губы Хью искривились в гримасе, что заставило Анну рассмеяться.

– У него нет души, Джованни, помнишь?

– Ах, синьорина, боюсь, что вы правы. Но для вас это будут спагетти алла вонголе и десерт, да?

– Да, пожалуйста, – она не могла устоять перед шансом побыть с Хью еще немного. Следующие несколько дней ей будет одиноко в компании матери. В этот раз она ухватится за любой шанс побыть с ним.

Анна вернула меню Джованни:

– Мы выпьем бутылку вашего лучшего красного вина. Я угощаю, – добавила она, когда Хью удивленно поднял глаза.

– Мы празднуем? – спросил он, когда Джованни принял их заказ.

– Да, – она усмехнулась. – Сегодня Рождество.

– Что ты делаешь на Рождество? – спросил Хью позже, пока она наслаждалась тирамису. Он решил выпить кофе после пиццы.

– Мы с мамой останемся вдвоем.

– Никаких родственников? – подняв бровь, спросил он.

– Нет. У мамы есть брат в Канаде, но в остальном мы вдвоем.

– А как насчет твоего отца?

Анна покачала головой:

– Он ушел, когда я была маленькой. Так что всегда были только я и мама.

– Понятно. Так ты будешь готовить индейку?

Она засмеялась:

– Нет. Курицы для нас более чем достаточно. Но нам нравится украшать дом, и мы обычно подпеваем дрянным рождественским CD.

– Ты должна купить домашнее караоке, – предложил он.

– Ни за что. Как насчет тебя? – она помешала пенку в своем капучино.

– Моя сестра всегда приглашает всех в свой дом. Кузены, племянницы, племянники, тети, дяди, все остальные. Полный хаос, но весело.

– Похоже, что так оно и есть, – и это правда, звучит, как будто будет настоящая вечеринка. Еще до того, как у ее матери развилась болезнь Альцгеймера, Рождество было для них тихим днем. Двух человек было недостаточно для глупых настольных игр или шарад. Без детей не было никакого оправдания рождественским чулкам или притворству, что Санта-Клаус пришел. Они бы вкусно поужинали, открыли подарки и посмотрели телевизор.

– У тебя ведь вся неделя свободна, не так ли?”

– Да. Мамина сиделка любит уезжать на Рождество, так что я всегда беру отгул.

– Хорошо. Слушай, прости, что не могу больше оставаться. Это для тебя, – он передал ей маленький сверток, потом еще один. – А это для Ирэн.”

Глаза Анны защипало от внезапных слез:

– Спасибо тебе. Я знаю, она оценит это.

Хью встал.

– Счастливого Рождества, Анна. Ты заслужила это, – он наклонился и поцеловал ее в щеку. – Я буду на связи.

8

Ирэн постучала в дверь спальни Анны:

– Я приготовила тебе чашку чая, дорогая.

Анна потерла глаза, смахивая остатки сна:

– Входи, мам.

В розовом халате и со спутанными волосами Ирэн выглядела так, словно ей было лет сорок, а не шестьдесят, но ее рука дрожала, пока она несла кружки.

– Счастливого Рождества, дорогая.

Анна улыбнулась:

– Счастливого Рождества, мам.

– Мне положить бекон?

– Нет, Мам. Я сама сделаю через минуту. Садись сюда и давай откроем наши подарки.

На лице Ирэн отразилась печаль:

– Анна, дорогая, кажется, я забыла подготовить для тебя подарок.

Сохраняя на лице улыбку, Анна покачала головой:

– Не волнуйся, мама. У нас их предостаточно. Смотри, это для тебя, – она купила несколько небольших подарков. Ее мать будет волноваться, если она потратит слишком много. Ирэн погладила мягкий фиолетовый кардиган и согласилась, что он будет хорошо смотреться с ее любимой юбкой. Она открыла пену для ванной с ароматом роз, чтобы понюхать его вдвоем. Вместе они изучили DVD с тремя классическими романтическими фильмами и обсудили, кто лучше – Кэри Грант или Рок Хадсон.

Затем Анна потянулась за подарками от Хью. Он купил два компакт-диска для Ирэн. Веселая, счастливая музыка шестидесятых и семидесятых, которую она будет помнить и наслаждаться. Анна была впечатлена тем, что он сделал такой подарок.

Для Анны была пара сережек. Ничего слишком необычного, но стильно и красиво. Она одела их и показала матери.

– Ты прекрасно выглядишь, дорогая. Очень красивые сережки.

Анна наклонилась, чтобы поцеловать ее в щеку:

– А теперь иди одевайся, мам. Новый кардиган и юбка шотландка, не забудь. Потом пойдем позавтракаем.

Но сначала ей нужно поговорить с Хью.

Он ответил с первого гудка:

– Счастливого Рождества, Анна.

– Счастливого Рождества.

– Ты открыла свои подарки?

– Да. Спасибо, они очень милые. Но Хью, я только что поняла, что ничего не купила для тебя. Мне очень жаль.

– Не беспокойтесь об этом.

Она найдет способ загладить свою вину:

– Мама была в восторге от своих дисков.

– Я подумал, что если бы она была похожа на тебя, ей бы нравилось подпевать.

Она застонала:

– Я думала, мы забыли об этом.

– Нет, не думала.

– Ну, я надеялась.

Она улыбалась, когда звонок закончился, и все еще улыбалась, когда присоединилась к матери на кухне. За завтраком они включили один из дисков Хью и подпевали, смеялись, пытаясь вспомнить слова старых песен. Ирэн громко спела одну из баллад и сердце Анны сжалось. Это был момент, который нужно помнить и лелеять в трудные времена.

Вместе они приготовили рождественский обед. Ирэн чистила картошку, пока Анна набивала курицу. Кухня была наполнена восхитительным ароматом лавровых листьев, лука и гвоздики,

кипящих в молоке для хлебного соуса. Они вырезали кресты в основании ростков и нарезали морковь аккуратными палочками.

– Хватит на целую армию, – удовлетворенно сказала Ирэн.

– Для нас этого более чем достаточно, но остатки будут означать, что завтра у нас будет прекрасный ленивый день.

– Ты слишком много работаешь.

– Я работаю совершенно нормально.

Ирэн положила руку на щеку Анны:

– Ты слишком много работаешь, – повторила она. – Я вижу все, что ты делаешь для меня, даже если я не всегда помню.

– Мам, ты же знаешь, что я не против.

– Я знаю. Но ты устала, Анна. Я вижу это по твоим глазам.

Анна покачала головой:

– Я в порядке. У меня вся неделя свободна, не так ли? Мы должны выходить? Куда бы ты хотела поехать?

– А как насчет этого милого молодого человека? – спросила Ирэн.

– Хью. Его зовут Хью.

– Хью, – послушно повторила Ирэн. – Что насчет Хью?

– А что насчет него, мам?

– Он мне нравится.

Анна улыбнулась:

– Мне тоже, – это не облегчило проблему. Признание того, что она чувствовала к Хью и то, что она думает, он чувствует к ней, не меняет реальность. Они не могут быть вместе. Он должен знать это так же хорошо, как и она, хотя он был достаточно добр, чтобы мягко от нее отстраниться.

Она вздохнула:

– Почему бы тебе не накрыть на стол, мама? Я начну с подливки.

Анна смешала мясные соки с бульоном и кукурузной мукой, помешивая, пока соус не загустеет. Она оставила кастрюлю на слабом огне и пошла проверить Ирэн.

– Мам, ты накрыла на троих.

– Разве? – Ирэн посмотрела на стол. – Прости, я, должно быть, запуталась.

– Здесь только ты и я. Ты это знаешь.

– Конечно, дорогая. Я сейчас все исправлю.

Но когда они сели за стол, на столе все еще стояли три салфетки, три набора столовых приборов и три бокала. Пара серебряных подсвечников держала праздничные красные свечи. Анна поставила курицу в центр стола, вокруг были блюда из овощей, жареного картофеля, подливки и хлебного соуса. Блестящие конфетти из золотых колокольчиков и зеленого остролиста рассыпались по белоснежной скатерти.

Анна зажгла свечи и Ирэн улыбнулась ей сияющими глазами:

– Все так прекрасно, дорогая.

Анна улыбнулась в ответ и подняла бокал:

– Счастливого Рождества.

Ирэн подняла свой бокал, но держала его, чего-то ожидая. И тут в дверь позвонили.

Анна нахмурилась:

– Кто бы это мог быть на Рождество?

Ирэн поставила стакан:

– Думаю, тебе лучше впустить его, дорогая.

Этого не может быть. Он проводил Рождество со своей сестрой и семьей. Он так сказал. Только когда она открыла дверь и увидела, что он стоит там, красный от холода, она осмелилась позволить себе надеяться.

– Хью. О, Хью, – она упала ему на руки, крепко прижавшись к нему и уткнулась лицом в глубокую теплоту его груди. Его крепкие, ободряющие объятия были лучшим рождественским подарком, который она могла бы попросить. Он прижал ее к себе, затем наклонил ее лицо к своему.

– Счастливого Рождества, дорогая, – его поцелуй был мягким и нежным. Анна запуталась руками в его темных волосах, притягивая его ближе. Они цеплялись друг за друга, пока Анна не была вынуждена оторваться и перевести дух.

– Почему ты здесь?

Он посмотрел на нее сверху вниз полным тепла взглядом:

– А где же мне еще быть?

– А как же твоя сестра? А твоя семья?

– Я заскочила сегодня утром и раздал все подарки. Но как только я рассказал Полли о тебе, мне пришлось рассказать маме, тетям и другим родственникам. Они практически вытолкнули меня за дверь. Кстати, они с нетерпением ждут встречи с тобой.

– Я все еще не понимаю. Что ты здесь делаешь?

– Надеюсь, на рождественский ужин. Твоя мать уверяла меня, что его будет много.

– Моя мать? Хью, – Анна положила руки на бедра. – Плетешь интриги у меня за спиной?

С извиняющимся взглядом, он сказал:

– Немного. Я позвонил вчера днем и поговорил с ней.

– Ты мог бы поговорить со мной!

– Я хотел сделать тебе сюрприз. Ты действительно не возражаешь?

Анна покачала головой:

– Нет. Я не возражаю. Входи

– Замечательно. Подождите секунду.

Он вернулся к своей машине и взял что-то большое и тяжелое. Еще один подарок?

Анна открыла дверь и позволила Хью отнести коробку в гостиную:

– В чем дело?

– Я расскажу тебе после ужина. Мы должны поесть, пока еда не остыла. Привет, Ирэн, – он наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. – Счастливого Рождества.

– Счастливого Рождества, – немного подумав, она добавила. – Хью.

– Совершенно верно. Извините, что я немного опоздал, чем мы планировали. Кстати, все выглядит аппетитно. Кого мне следует благодарить? – он посмотрел между матерью и дочерью.

– Совместными усилиями, – сказала Анна.

– Анну, – одновременно сказала Ирэн.

Хью засмеялся:

– Тогда я благодарю вас обоих. Почему вы еще не открыли рождественские хлопушки? – он взял с тарелки блестящую красную Рождественскую хлопушку и протянул другой конец Ирэн. Они потянули так сильно, что хлопушка с треском лопнула, и глупые безделушки вылетели. Хью опустил на четвереньки, чтобы поднять пластиковый волчок, который оказался под столом. Развернув красно-зеленую бумажную шляпу, он торжественно надел ее на голову Ирэн.

– Прекрасно, – произнес он и повернулся к Анне. – Теперь о тебе, красавица. Кстати, сколько бокалов вина ты выпила?

– Это уже второй. А что?

– Просто. Думаю, мне лучше снова наполнить твой бокал.

Они закончили обед и убрались как раз вовремя, чтобы посмотреть выступление королевы. Анна выключила телевизор после гимна и повернулась к Хью:

– Ты расскажешь нам сейчас, что в этой коробке?

– Да, конечно, – он открыл коробку и вытащил большой черный динамик с микрофоном. Он бросил вызов Анне и поднял бровь. – А ты как думаешь? У тебя хватит голландского мужества, или мне смешать порцию офисного пунша?

– Караоке, – она недоверчиво покачала головой.

– Анна любит петь, – невинно сказала Ирэн.

– Отлично. Я слышал, вы тоже любите петь, Ирэн. Хотите начать?

Втроем, все еще в бумажных коронах, составляли странно подобранную группу. Ирэн с треском прочертила четкую линию сопрано. Голос Анны был глубже, в то время как у Хью был ревуший бас. Но они веселились, поняла Анна. Так же, как ей и маме нравилось петь вместе на

кухне, казалось правильным, что теперь они втроем. Хью поставил Рождественский трек, и они скакали от колядок к рождественским песням. Наконец Хью выбрал песню, которой Анна так боялась.

Это было банально и слащаво, но текст поднял все чувства, что она чувствовала весь день. Подарки были прекрасны, еда была хорошей, но единственное, чего она хотела на Рождество – был Хью. Он выпил несколько бокалов вина за обедом, так что не сможет поехать домой. Она может предложить ему остаться на ночь. Она могла предложить ему поспать на диване в гостиной... или разделить с ним постель.

Одна ночь с Хью была не тем, чего она хотела, но это было больше, на что она могла надеяться. Если бы все было по-другому, она покачала головой. Она не могла позволить себе так думать. Она бы не изменила свой выбор.

Так что она просто наслаждалась тем, что могла.

9

Хью надеялся, что Анна получила сообщение. Ему было все равно, что она не сделала ему подарок. Его не волновал ни ужин, ни караоке. Его волновало только то, что Анна впустила его. Она приняла его в свой дом и в свою семью.

Он просто надеялся, что она впустила его в свое сердце.

Как только Ирэн уснула на диване, Хью встал и взял Анну за руку:

– Пойдем на кухню. Я хочу поговорить с тобой.

– Поговорить? – сказала она с дерзкой усмешкой.

– Сначала поговорим.

– Сначала наслаждайся моментом, – ответила Анна, обнимая его за шею и твердо показывая свою точку зрения. Она попробовала Рождественский херес и пироги с фаршем, и почувствовала себя как в раю. Она заставила его забыть, где они и что он хотел сказать. Он обнял Анну за талию и крепко поцеловал.

– Поговорим сейчас, – сказал он, когда у него появилась возможность перевести дыхание и вспомнить свое имя. – Пожалуйста, Анна.

– Ладно, говори, – она не отпустила его, но опустила руки ему на талию и дала немного пространства.

Он посмотрел в ее глубокие карие глаза, и его сердце забилося в два раза быстрее. Он любил ее. Он так сильно любил ее. Он должен был сделать все правильно, ради себя и ради нее.

– Я люблю тебя, – он не планировал сказать это таким образом, но для начала не плохо.

Он думал об этом снова и снова в последние пару недель и, в конце концов, все оказалось легче. Он хотел Анну. Он любил Анну. Так было всегда. Увидев ее с Ирэн – ее терпение и мужество – это только заставило его понять, что он всегда чувствовал к ней. Был риск, и могла быть боль в сердце, но был только один ответ.

Анна.

Он сказал это снова, более уверенно:

– Я люблю тебя, – ее глаза расширились, но она ничего не сказала.

– Я люблю тебя, Анна, – в третий раз, чтобы убедиться, чтобы она знала, что он не шутит.

– Я... я слышала тебя с первого раза.

Он кивнул:

– Хорошо. Ну, вот и все, я полагаю. Мне захотелось это сказать. Тебе. Сегодня.

Она отвернулась:

– Я не знаю, что ты хочешь от меня услышать. Я думала, ты попросишь остаться на ночь.

Он взял ее руки в свои и прижал к груди:

– Я бы с удовольствием остался на ночь. Каждую ночь. Я хочу быть с тобой, Анна. Я хочу тебя.

Она попыталась освободить руки, но он не отпускал.

– Ты не можешь, – сказала она, задыхаясь. – Ты знаешь каково это. Я не могу выходить по вечерам. Я должна быть здесь по выходным. Я не могу быть ни с кем, Хью. Я просто не могу.

– Ты можешь уйти, если у тебя есть кто-то, кто останется с Ирэн. Ты пришла на корпоратив.

– Я же сказала, – это мое единственное веселье. Единственный раз в году, когда я могу распустить волосы.

– У тебя прекрасные волосы, – особенно, когда она оставляла их распущенными, как сегодня, падать мягкими локонами на плечи.

Она коротко улыбнулась ему:

– Дело не в этом.

– Нет. Дело в том, что твоя жизнь была бы намного проще, если бы тебе помогал кто-то еще.

– Я не могу позволить себе платить еще одному работнику. И я бы не стала даже если бы могла. Мама этого не заслуживает. Я обязана ей быть здесь столько, сколько смогу.

Он успокаивающе погладил большими пальцами ее руки:

– Я говорю не о другом работнике по уходу, Анна. Я говорю о себе.

– О себе? – она в шоке уставилась на него. – Но у тебя нет времени помогать мне. Твоя работа требует даже больше часов, чем моя.

Он сделал глубокий вдох:

– У меня будет время помочь, если я перееду к тебе.

– Но почему ты хочешь это сделать? У тебя ведь есть отличная квартира, не так ли? – Анна покачала головой.

– Сколько бокалов вина ты выпила? Я не думал, что это будет так сложно. Я люблю тебя, Анна. Я хочу переехать к тебе, чтобы быть с тобой. Я хочу быть частью твоей жизни и, пока твоя мама живет здесь, частью ее.

– Я не собираюсь отправлять ее в дом престарелых.

– Я не предлагаю тебе этого делать, – заверил он ее. – Ей не обязательно быть в доме престарелых. Она счастлива здесь.

– Она плохо переносит перемены. Я не знаю, как бы она справилась, если бы кто-то другой переехал.

– Я ей нравлюсь, – заметил Хью.

– Да, это так.

– Это будет нелегко, я знаю. Но я думаю, что это того стоит.

Анна оглядела крошечную кухню:

– Дом недостаточно большой для еще одного человека.

– Я думаю, ты просто ищешь оправдания.

Она отошла от него, прислонилась к барной стойке и, обхватив себя руками, призналась:

– Мне страшно. Что, если это не сработает? Что, если мы расстанемся? Как тогда мама справится?

Он кивнул. Об этом он тоже беспокоился:

– Нам не нужно торопиться.

Он подождет столько, сколько она захочет. Это было разумное решение. Им обоим нужно время, чтобы привыкнуть к этой идее, и Ирэн тоже. Но когда они будут готовы, Хью будет ждать.

Она улыбнулась ему печальной улыбкой:

– Я не уверена, что это на самом деле произойдет.

Хью приподнял бровь:

– Значит, ты наконец признаешь, что я тебе понравилась на прошлогодней рождественской вечеринке?

– Если быть до конца честной, ты мне нравишься с тех пор, как я начала работать в агентстве.

Хью подошел ближе:

– Ты очень хорошо это скрывала.

Анна пожала плечами:

– Я знала, что ничего не изменится, поэтому мне казалось проще притвориться, что мне это не интересно.

– Но ты заинтересована?

Она посмотрела на свои ноги, на дверь, и, наконец, на Хью:

– Я люблю тебя. Это считается?

Он обнял ее прежде, чем она закончила говорить. А затем поцеловал, крепко и глубоко, с полными сдерживаемыми эмоциями, которых он не знал. Ее ответ был таким же сильным и нуждающимся, как и его. Он так крепко вцепился в нее, будто никогда не отпустит.

Хью целовал Анну в губы, щеку, лоб, нос, снова в губы, наслаждаясь теплыми объятиями. Он не мог насытиться ею. Никогда не сможет. Они любили друг друга.

Анна напряглась и наклонила голову к его плечу.

Хью развернулся, не отпуская ее:

– Привет, Ирэн.

Ирэн радостно улыбалась:

– Я же говорила, что он хороший молодой человек, Анна?

– Да, мам, – согласилась она, покраснев до корней волос.

– Ты хочешь ей рассказать? – Хью пробормотал.

– Хью будет жить с нами, мама. Ты не против?

Глаза Ирэн загорелись:

– Хью, – уверенно сказала она.

– Совершенно верно, – он распахнул перед ней объятия. – Хью.

Она позволила ему обнять себя и поцеловать, а затем протянула руку и похлопала Анну по

щеке:

– Он позаботится о тебе, дорогая.

Хью обнял их за плечи и переводил взгляд с матери на дочь:

– Мы позаботимся друг о друге. Как насчет этого?

Анна улыбнулась ему, глаза ее блестели от слез. Она кивнула:

– Да. Мы все позаботимся друг о друге.

Он поцеловал ее в волосы:

– Это все, что я хотел на Рождество.

Она посмотрела на мать, потом на Хью:

– Все, что я хотела на Рождество, это ты.

Об авторе

Роза – писательница, студентка, церковный работник, крафтер, блоггер, ленивый садовник и ужасная домработница. Она интересуется почти всем, кроме крикета и футбола (США и Великобритания), и в основном она любит счастливый конец в художественной литературе и в реальной жизни.